

*Муниципальное учреждение культуры
«Межпоселенческая централизованная библиотечная
система» Веневского района*

Венев. Вспоминая 1941 год

*Война глазами ребенка.
(Воспоминания Бориса Алексеевича Игнатова)*

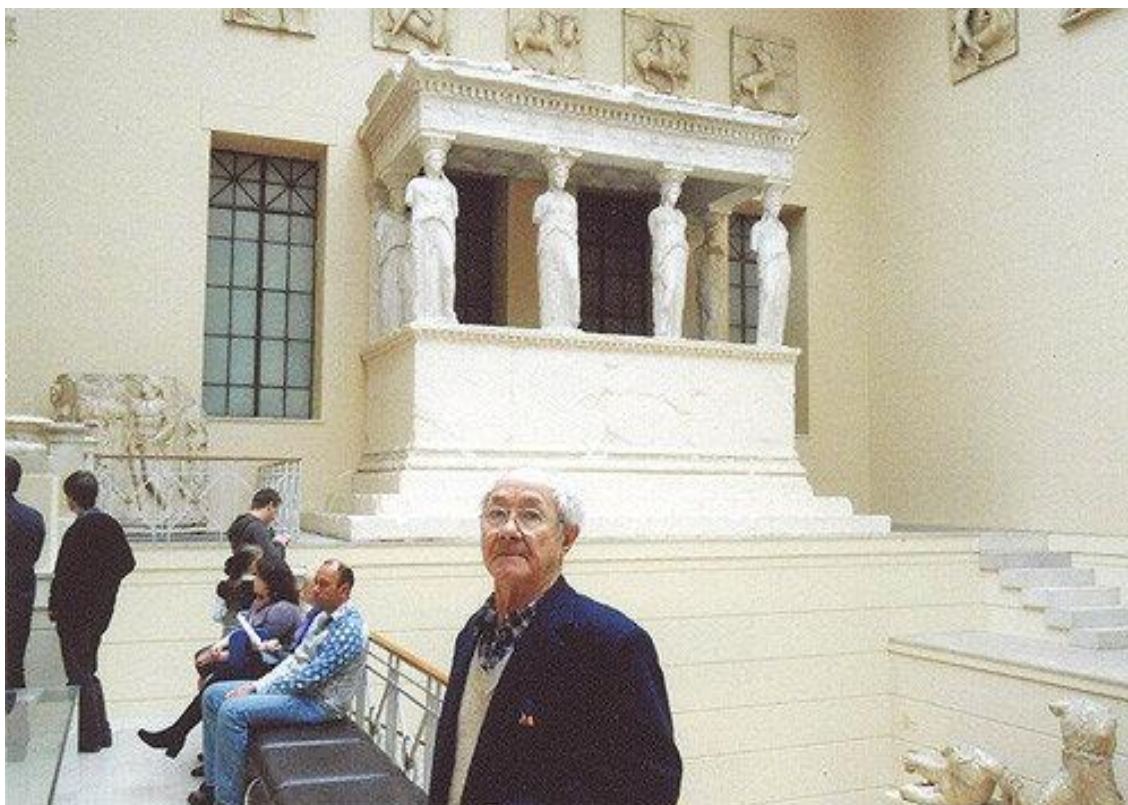
ВЕНЕВ, 2021 г.

Воспоминания Бориса Алексеевича Игнатова, уроженца г. Венев, члена Союза художников России и члена Международной Ассоциации изобразительных искусств, о начале Великой Отечественной войны, о вторжении немецких войск в древний город Венев, об их злодеяниях на венеvской земле.

Литературная обработка – Ковалева Маргарита Алексеевна (сестра автора).

Ответственная за выпуск – Воронцова Е.И., зав. методико-информационным отделом Венеvской межпоселенческой центральной библиотеки муниципального учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система».

Венев. Вспоминая 1941 год: Война глазами ребенка (Воспоминания Бориса Алексеевича Игнатова) – /лит. обработка – Ковалева М.; сост. и ред. Е.И. Воронцова; отв. за вып. О.А. Кобец. – Венёв: МЦБС, 2021. – 35 с.: ил., фото.

В межпоселенческую центральную библиотеку поступила рукопись Бориса Алексеевича Игнатова, уроженца Венева, члена Союза художников России и члена Международной Ассоциации изобразительных искусств, детство которого пришлось на грозные военные годы. Его память до сих пор хранит все события ноября-декабря 1941 года. Сотрудники библиотеки предоставляют в редакцию газеты, с согласия автора, печатный вариант рукописи для публикации, в рамках подготовки к 80-летию освобождения города во время Великой Отечественной войны. В печатном варианте сохранен авторский стиль.

Эти воспоминания будут храниться в краеведческом фонде Межпоселенческой центральной библиотеки под названием «Венев. Вспоминая 1941 год» /Война глазами ребенка/. Все желающие смогут ознакомиться с ними.

Е.И. Воронцова

Моя профессия – художник

Игнатов Борис Алексеевич родился 7 мая 1929 года в Веневе Тульской области. С раннего детства всегда любимым занятием Бориса было рисование. В доме на стенах были интересные картины и иконы. Некоторые картины были зарубежные – по композиции многофигурные. Все на бумаге отпечатаны очень хорошо, под стеклом в хороших рамках. Были по углам и иконы. Обстановка способствовала рисованию. Мама умела по впечатлению рисовать, и Борис наблюдал, как она по памяти рисовала лошадь (лошадь стояла и кормилась). Борис еще не знал ни одной буквы, но любил рисовать животных, людей, природу карандашом. С возрастом стал внимательно приглядываться к тем, кто приходил к родителям, к брату. Рисовал их, стремился к тому, чтобы они были похожи на рисунках, на живых. Рисовал собак, кошку, деревья, лошадей. Работал карандашом. Когда учился в 4-ом классе, познакомился с художником Михаилом Крючковым. Это был сын учительницы Веневской средней школы Веры Михайловны Крючковой, которая учила девочек швейному делу. Он (сын) был уже студентом Московского художественного института. Михаил уже умел писать маслом, очень хорошо лепил из глины собак, кошек. Небольшого формата. Борису было все интересно. В школе, уже в 6 -7 классе, занимался написанием лозунгов не только на бумаге, но и на холсте. Выполнял рисунки в стенгазетах уже акварелью. Оформлял стенды к праздникам. Например, стенд «О молодогвардейцах» и другие - в красках. Стенды долго висели в актовом зале Веневской средней школы.

Окончив 10 классов, поступил в Сталиногорский горно-строительный техникум. И, учась еще на 1 курсе техникума, начал посещать занятия изостудии, которая работала во Дворце культуры химиков г. Сталиногорска. Тут он познавал правильные азы, рисование портретов, пейзажей, натюрмортов под руководством художника-учителя Коньшева Павла Александровича с 1949 г. по 1952 г. Бориса очень влекла изостудия. Он успевал учиться в техникуме и

регулярно посещал изостудию. Занятия в изостудии были по субботам и воскресеньям с 11 часов до 4 часов дня, а по рабочим дням с 17 часов до 8-9 часов вечера. Город, который носил имя Сталина, был молодым, с хорошим обеспечением. К праздникам: 1 мая, 9 мая, 7 ноября - художники Сталиногорска всегда были загружены заказами, оформляли плакаты больших размеров на фасады зданий.

Окончив техникум, начал работать на шахте п. Грицовский. И теперь он везде занимался рисунками шахтеров, производственных объектов. Создавал наброски картин, связанных с шахтерской тематикой. Отработав необходимый после окончания техникума срок, поступил учиться в Пензенское художественное училище имени Константина Апполоновича Савицкого. Туда ему посоветовали поехать продолжать учиться живописи художники г. Сталиногорска: Басов (живописец) и многие другие, с опытом, мужчины.

Пришлось, пока работал в шахтерском коллективе, накопить какую-то сумму денег, т.к. в Пензе общежития не было, но было большое желание поехать учиться в город Пензу. Этюдами Борис и в Веневе занимался, но не регулярно, а нужно было ежедневно. В Пензе директор Журавлев, встретив Бориса и поговорив с ним, собрал в обеденный перерыв учителей – художников при начальствующих художниках Александре Спиридоновне и Шурчилове (очень хорошие живописцы), и они коллегиально определили Бориса Игнатова на 2-й курс училища. При этом художники очень внимательно просмотрели работы Игнатова Бориса, более по содержанию: мотив – у реки, наброски композиций из труда шахтеров или рисунки с базара (в разное время года), портреты, более карандашом. Сталиногорские художники Шарыкин Александр Михайлович и Болотов М.А., чуть ли, не в приказном порядке говорили Борису перед поездкой в Пензу: «Ты, там не халтурь. Лучше, если денег не хватит, сделай какую-либо физическую работу». Учиться было трудно, иной раз, правда, приходилось поголодать. Но примеры, когда другие студенты могут писать (рисовать) лучше, можно было работы сравнивать – это способствовало хорошему настрою.

Принцип: холсты или листы бумаги развешивали на стенах по окончании программного семестра – вот и выставка, которая имела вид конкуренции и самоанализа! И уже кто-то остановился у работ Бориса, и кто-то высказал короткое замечание, где более удачно написано. И учитель Худяков Василий Иванович (сильный педагог!) в Пензе не стеснялся, сам работал на холсте, на уроке, от звонка до звонка. Он говаривал, ставя «натюрморт» или постановку: «Чтоб было вкусно!»

И снова выставка после прохождения летней практики – виды, пейзажи, городской мотив. И опять – а как у ребят получается свет, тени на воздухе? Такая программа – педагоги учили видеть и компоновать - тоже надо уметь. Что предпочтительнее на этюде, на холсте? Больше неба или земли? Поэтому в мастерских художники, компания, творчески придумывают: передний план – задний план (так называемое золотое сечение). На чем делать акцент?

В годы учебы в институте – от академии художественной устраивали между двумя институтами выставки в Ленинграде или в Москве. Однажды приехал Сергей Иванович Чирков – педагог с I и II курсов, он был на выставке в Ленинграде и, поздоровавшись с Борисом, говорит ему: «Твои работы на выставке очень хорошо развесили и они хорошо смотрелись. Поздравляю!» Когда Борис учился в Пензе, потом в Москве, в Суриковском институте, то он рассказывал о том, что их (студентов) в Ленинграде, в Репинском институте

встречали хорошо. Даже переночевать в их достойном общежитии - давали чистое белье и койку. Хорошо было прожить у них пару дней без оплаты. Зима, холод, а в общежитии очень тепло. И там бывшие студенты из Пензы были уважаемые.

После окончания Пензенского института в 1963 году дипломная работа Игнатова Б.А. была признана лучшей, получила оценку «пять» и Борису дали направление

в Москву в Суриковский институт. Борису по возрасту был уже предел для поступления в Суриковский институт, и ему предложили сначала поступить в педагогический институт им. Ленина, проучиться там один год, а затем со студентами из Суриковского съездить на летний пленэр в Клайпеду. А затем сдать вступительные экзамены (и работы летние на пленэре) в Суриковский институт, что Борис Алексеевич успешно и сделал. И в 1964 году Игнатов Б.А. стал студентом Суриковского института, в этом году институт принял на учебу всего 11 человек на все факультеты (живопись, графика, портрет, натюрморт и др.). Закончил Борис институт... и сразу проблема – куда юридически устроиться на работу. К этому времени он уже женат, живет с семьей в Москве. С большим трудом удалось устроиться в Загорскую художественную мастерскую, и Бориса прикрепили в Дмитровский художественный цех.

Игнатову-живописцу дали большую мастерскую и склад, доверили ключи от помещений, выделили уборщицу.

Такой вариант по программе (без проволоочки!) давали на конкурсной основе. Два агента-специалиста привозили в цех заказы на разные картины и их (заказы) распределяли художникам. А это зарплата художникам. Нужно было выполнять работу по договору к намеченному сроку. Сдать готовую картину – пропустить через художественный совет. Заказы были из разных союзных республик, по разной тематике. Художник, кроме заказных работ, должен постоянно писать новые этюды, создавать новые картины, участвовать в выставках областных, зональных, отчетных и многих других.

Игнатов Б.А. – участник более 80-и выставок. Когда учился в Пензенском институте – с общим коллективом профессиональных художников выставлял свои картины 3 раза. В училище им. Савицкого – 5 раз. В институте в Пензе были выставки студенческие. Затем вместе со студентами в Ленинградском институте - в здании Ленинградского художественного института – 2 раза.

Здесь, в Дмитрове, были организованы выставки в г. Загорск, г. Химки, г. Подольск, г. Ногинск, г. Истра, г. Коломна. Дмитровский цех имел 2 автомашины с крытым верхом, на которых художники возили свои картины из города в другой город по окончании выставок. В городах обычно устраивали отчетные выставки ближе к осени или поздней осенью. Зональные выставки были людные. Например, Московская область, Ивановская область, Калуга, Смоленск.

На фото: Б.А. Игнатов (первый справа) на юбилее Союза художников

Перед вступлением в Союз художников СССР в 1980 г. пришлось активно делать много новых работ и подавать их на новые выставочные комитеты и по области, и в г. Москве. Перед получением «корочки» члена Союза художников СССР, сколько выставок делали, привозили картины, развешивали, очень много уходило времени. Надо было успевать, творческие баллы записывать. Были разные каталоги (у Б.А. их было порядочно, хранит).

Теперь, с 2004 года организация называется по-другому: Всероссийская творческая общественная организация «Союз художников России». Членский билет поменяли. Выдали новый билет 29.09.2004г. На первой страничке

«корочки» написано – «Член международной ассоциации изобразительных искусств» – «АИАП ЮНЕСКО UNION OF ARTS». Художникам объяснили, почему такое название билета: «Это за участие в выставках и для того, что, если Вы приедете в Париж или в другие города – можете зайти в любой музей, предъявите этот билет и Вас пропустят без денег».

Борис подавал картины на выставкомы московских городских художников (по паспорту он – москвич). Поэтому участие на городских выставках через выставком – радовало Игнатова Б.А. Адрес городских выставок: Кузнецкий мост – 11 (престиж), Кузнецкий мост – 20 (еще в центре). Привозил картины и во время учебы в институтах и после, когда работал в Дмитрове. Брали картины на выставки и на Кузнецкий мост №11 и №20, и на Беговой улице и др. Картины были разные по тематике, по размеру. Например, одно полотно по высоте 2 м 14 см – о войне. Нужен был большой зал. Или портреты генералов Великой Отечественной войны: генерал Калинин Леонид Николаевич - знал немецкий, польский языки, участвовал в боях на Волоколамском шоссе, в боях под Крюково; генерал Горохов Владимир Федорович – защищал Тулу вместе с Жаворонковым; генерал Богдан Михаил Никитович – артиллерист, командовал «Катюшами». В Подмосковье под Дмитровым выполнял приказ Сталина: «Ночью надо было проехать с «Катюшами» по буграм с другой стороны от канала и дать залп по немецким танкам (их было 2). За это время – пока ехали – наши бойцы отступали. Приехали – один танк горит! – наши бойцы вышли из окопов и весь день били немцев. Одержали победу! Под Яхромой, под Москвой...» Это рассказывал генерал Богдан, пока позировал Борису. Немцы «накрыли его группу, пришлось взорвать «Катюшу». Его родные в Москве получили похоронку, а он с 3-4 бойцами по ночам добирался из-под г. Ефремова до своих. Очень подробно, правдиво рассказывал о штурме Берлина, тоже с «Катюшами». Генералы позировали у себя дома, но были разговорчивы, доброжелательны. Это был 1978 год.

Были большие работы заказные, например, работа «Выступление Ленина» для г. Фрунзе (175 см x 215 см), холст, масло, 1971 год или заказная работа «Молодежь на производстве» - холст, масло, 180 x 220 см, 1972 год, или картины на заказ «Прием в комсомол», холст, масло, 120 x 145 см и многие другие. В 1978 г. – 60-летие пограничной службы – портреты пограничников. 1967 г. – оформляли комплекс декоративных работ в с. Николо-Шанга Костромской области (втроем работали до 20 октября) и многое другое.

Венев. Вспоминая 1941 год

В 1941 году нас в семье было шесть человек. Отец Игнатов Алексей Алексеевич, 1901г.р., работал рабочим в Веневском райпо. Мама Игнатова Мария Васильевна, 1901г.р., домохозяйка. Бабушка – мама отца, ей было 82 года. Старший брат Николай окончил в мае 6 класс, перешел в 7 класс, ему было 14 лет. Я, Борис, окончил 4 класс и перешел в 5 класс, мне было 12 лет. Сестра Рита – 3 года. Дом был на ул. Коммуны, №1. Огород примыкал к территории больничного сада. Больницы были двухэтажные, фасадом на улицу Свободная, хирургическое отделение и терапевтическое отделение, здание кухни, складское здание. Это я описываю затем, чтобы понять, куда мы бегали прятаться от немцев.

Начало войны

Лето 1941 года, дни теплые светлые, вроде ничто не предвещало о войне. Рабочие райпотребсоюза – это грузчики, кладовщики, возчики – это контингент торговли, перевозок продукции – коллектив небольшой разговаривают о ж/д, о городе. Все трудились. Двор райпотребсоюза (с конторой в 2-х этажном доме, что находился на пересечении ул. Володарского и ул. К. Маркса), был всегда активным местом, откуда отвозились разные продукты в деревни и села района. В тот день тревожный трудовой народ собрался у рупора во дворе райпотребсоюза слушать новость – выступал Молотов В.М., министр иностранных дел. Весть, что Германия вероломно напала на Советский Союз, без объявления войны и уже в 4 часа утра сильно бомбили приграничные города и села, и что даже Киев бомбили в 4 часа утра. Это ужасная весть разнослась среди рабочих, публики во дворе Веневского райпотребсоюза. Радио-рупор – это круглая тарелка из фетра висела на столбе рядом с входом на второй этаж конторы. Толпа смотрела на нее, слушала с какой – то непонятной тоской. Ведь война уже идет всюду, бомбят и радио ничего в этот момент не говорит, как защититься. А в семьях мужчины должны идти в военкомат и вступать в Армию. А в семьях и женщины, и дети – небогато с деньгами. Кто будет зарабатывать на хлеб, на сало, когда кормильца заберут в Армию, на борьбу с гитлеровской Германией. Это емкая, людская большая забота быстро распространялась от человека к человеку. Видимо было, что веневцы сразу изменили мнение о фашистской предательской политике. Ведь был Договор о ненападении. Советский Союз продавал по Договору много лесоматериалов, зерна, прочих товаров. А тут сразу война, бомбы с немецких самолетов, беспрепятственно и ежедневно все сильнее. Сводки очень грустные: поселки, деревни, жел. дорожные станции бомбятся и захватываются немецкими

солдатами. Оккупация немцами ширится. Люди и на линии фронта и в тылу погибают от немецких бомб!

День нападения Гитлера выпал на воскресенье, на 22 июня. Погода очень хорошая для отдыха. Расчет фюрера удался. Территория бомбомета очень широкая, паника в народе очень масштабная, людям от бомб нужно куда-либо уезжать, на транспорте ужасная паника. Промышленность в городах, в промышленных поселках с транспортом не организовано. Решение правительства – эвакуировать станки с больших заводов и фабрик. А немецкие самолеты все налетают и бомбят! А как людей, уезжающих из этих бомбовых мест – как этих людей кормить! Самолеты Гитлера бомбили и железнодорожные мосты днем и ночью. Красноармейцы с зенитками не успевали, а тут за одно утро гитлеровские генералы с самолетов разбомбили более одной тысячи советских самолетов, находящихся на аэродромах (бомбили рано утром), и молодые летчики советские, что успели подняться в небо для боя с немцами, были мало обучены. В результате, по сведениям, было уничтожено наших самолетов на аэродромах и в бою (в небе), более 1000 самолетов. И с первых дней войны 1941 года гитлеровские генералы имели большое преимущество в боях в воздухе! Поэтому в сообщениях по радио очень часто информация, что в результате местных боев советские войска отступили и сдали поселок или город. Отступление стало массовым. Немецкие самолеты свирепствовали, властвовали в небе. Немцы продвигались быстро и от реки Буг и далее до Смоленска. Советские генералы с армией успевали уходить, а территорию занимали немецкие войска.

22 июня 1941 года в Веневе был день, когда в школе был выпускной вечер. Дестиклассники в белых рубашках, улыбочивые ребята с ворошиловскими значками на груди, пели мирные песни «и когда нас первый маршал в бой пошлет, или поведет». Никто не думал воевать с Германией, а 22 июня 1941 года страшная весть – бомбят границу Советского Союза. И бомбят в районе Мурманска и южные границы, и Севастополь бомбят! И в городе Веневе очень сильное охватило волнение. Чем ответить немцам. Уж больно за летние месяцы немецкие войска подошли к Тульским рубежам, г. Ефремов, г. Белев, и т.д. Линия фронта очень была велика. Сколько надо было красноармейцев, сколько оружия, танков, автомашин, пушек. Как центрально руководить массовым войском. У немцев – бомбить русские тылы, города – была продуманная практика – посеять рознь, панику. Сбрасывались листовки – с самолетов, листовки от Геббельса провоцировали, чтобы солдаты сдавались на милость немцам. Уже над Веневом эти листовки с немецких самолетов сбрасывали. Ветер разносил эти бумажки (листы) до реки Веневки и далее за

Озеренцы. Листовки можно было поднять и прочитать – это провоцирующие тексты «о том, что всю-то я вселенную проехал, нигде второго фронта не нашел!».

От бомбежки Венева многие пострадали. Сколько повозок (привозили к больнице на повозках, запряженных лошадьми) у больницы (что на ул. Свободной), повозок, в телегах раненых и немного автомашин. Это дало немецким самолетам повод разбомбить прилегающие к больнице улицы с людьми. Это было в июле, августе 1941г. Днем разбомбили дом Романовых. (Дом, где Барышевы потом построили дом). Убит хозяин Романов, из-под бревна вылез их сын Котик – ученик 4 класса! Не раненый. Погибла от осколков тетя Дуся Богатырева, Соломенцева, старая женщина, дом напротив Романовых. Дом Брежнева разбомбили (работник почты). Это первая бомбежка в городе, а до этого паника: в городе паника, люди бежали в Завалье через мост – группа в Завалье – и немецкий самолет сбрасывает на эту группу бомбы (Завалье – между буграми напротив плотины). Луга (в Завалье) это супротив мельницы в Озеренцах, супротив плотины – Озеренцы. Бомбы врезались в бугор. Жертв не было. Внизу, около земли – ветер отнес эти бомбы в сторону и народ не погиб. А ямы от бомб долго не зарастали травой. Ямы на бугру рядком чернели. Я их и этот бугор рисовал акварелью (в 1950 году из окна нашего дома). Вот что такое низовой ветер у земли. Эта группа первых очень испуганных веневцев, решивших отсидеться от бомбежек в Завалье (вдали от города, место между буграми, что недалеко от Озеренской плотины, через речку). Это мишень бомбометания. Немецкие самолеты получали сведения, летали порой низко, гул страх рождает. Вот и на этот случай (они – немецкие летчики сверху видят - бегут сплоченной массой люди куда-то в луга, мост пробежали Зарайский и в большой панике заводили побежали в луга). А у немцев бомбы прицеплены – их - то немцы и выбросили, но ветер отнес бомбы в сторону. А дни военных сводок из радио извещали, что общий фронт все продвигается к Туле, т.е. и к веневским землям. Самолеты немцев низко – клином в полдень почти каждый день летали на г. Михайлов Рязанской области. Гул самолетов страшный. Я выбегал на крыльцо и смотрел – самолеты (без боязни) летели уверенно этим курсом – отбомбить Михайлов. И так курс над домом нашим (как бы от станции и на бугор через Зарайский мост) и ни одной зенитки не было у моста. Да, и 2-х крылых наших самолетов не было в воздухе, чтоб налететь на самоуверенный, клинообразный строй немецких самолетов. Бомбардировщики имели внушительный, большого формата вид. Время войны, дни за днями проходит тревога, по всему видно было, что немец дойдет и до Венева. Жители тогда делали бомбоубежище. Мы с соседом Журиным Василием закорчевали даже яблони, напилили на накат сверху

бомбоубежища (в 3 наката). Василий Захарович был солдатом 1-й мировой войны в 1914г. Бывалый воин рассказывал про бои. На это время он при больнице был незаменимым слесарем-сантехником, мастером по подключению воды в разное время года. Высокий, сухой, не поддавался панике, старшая дочь Капа (Капитолина), была уже в Армии, на фронте. Забегая вперед, скажу (после войны вернулась по профессии врачом-капитаном). Ее подруга Панкина Зина (что жила на углу пересечения улиц Коммуны и Свободная) – тоже офицером была на фронте. А младшая сестра Зины - София Панкина. Эта София работала в 1959-1967гг. главным судьей г. Венева. Вернулась с войны и Ольга Алексеева – тоже офицером. Ее мать – Мария Александровна – была главным врачом в роддоме г. Венева. Эти молодые девушки – будущие офицеры, ушли на фронт после 10 класса, в 1941г. Но были и те, кто погиб на фронте. Десятиклассники ребята в лето 1941 г. сразу с винтовкой на фронт. Мой двоюродный брат из деревни Стрельцы (зачислен в береговую охрану морпех) под Клайпедой погиб. И другой тоже в первый дни войны погиб, поднимаясь в бой из окопа. Его товарищ прислал письмо – как шел бой. С приближением осени и зимы около больницы вырыли и сделали окопы длинные, на случай если выводить раненых из больницы и прятать их в длинном бомбоубежище. А над городом все были случаи прилета и бомбежки немцами.

Станция Венева имела защиту – зенитки. Не давали немцам нанести бомбовые удары по территории вокзала. Ж.д. пути были стратегически нужны и на фронт (путей было – 6-7), а также поезда военные и гражданские шли на Москву. Особенно зенитки работали в ночное время. Прожекторы ловили в небе немецкие самолеты! Немецкие бомбы не одна не попала вблизи здания вокзала и не разрушила ж.д. пути.

А у улицы Коммуны тоже были сложные дела, Верховный Главнокомандующий издал приказ – чтоб немцам, если потребует военная обстановка (например, отступление красноармейцев), то мосты над рекой – взрывать. Накануне, как немцы завладели Веневом, солдаты и сержант (красноармейцы) обратились к жителям улицы Коммуны со следующей просьбой: «Дайте ломы, топоры, кувалды. Будем взрывать Зарайский мост». Эта тревожная новость и больно было воспринимать. Саперы много трудились, чтобы огромная металлическая «машина» мост на заклепках – старая, очень прочная многотонная конструкция, взлетела вверх и в бок свалили с каменных основ. Момент взрыва мы услышали, когда бежали с Василием Захаровичем и с его семьей. Потому командир саперов, руководящий взрывработами и другой командир настояли, чтобы жители улицы Коммуны ушли бы подальше – край улицы и промежуток у больницы – будет бой!! Так он предвидел. Он требовал,

находясь у нас дома: «Идите в прочный подвал, что на улице Карла Маркса (это заразный барак, больницы филиал), в нем 1-й этаж и полуподвал очень прочный, железобетонный. Об этом хорошо знал Василий Захарович. И если будут бои или бомбежки, то верхний потолок будет защитой для людей. Уже по времени – ночь, нужно быстро собраться – (бабушке 82 года, сестра Рита, брат Коля – 6 класс). У отца болели ноги, перед войной он при тяжелой работе сильно повредил колено (чашечку коленную) чашечка на 3 части раскололась! Его не брали в Армию – 2 года на костылях. А тут – нужно бабушку посадить и привезти на санках (снегу - вечер и ночь – очень много с ветром надуло, выпало) и быстрее требовал командир идти в заразный барак: «Если немцы вас на дороге увидят, то лягте и не шевелитесь, чтобы не расстреляли». И вот, чуть с рассветом мы пошли, стараясь быстро идти. Командир произнес тогда (я запомнил): «Немцы педантичны – начинают бои очень рано!» Когда мы не прошли и полпути до бомбоубежища, оглянулись от взрыва – это подорвали мост. Столб дыма и комья, сильно грохнуло, страшно, гриб дыма, видно за 2 км. Прямо через силы приблизились к спасительному (заразному бараку). В полуоткрытую дверь женские фигуры – наши женщины крикнули сильно: «Ну, быстрее же, держи рукой дверь...» Отец, мать свою за санки внес, мама с сестрой моей на руках – очень запыхались. Не говоря ничего, брат Николай и я «влетели» - не попали под пули. Оказывается от Хавок, от деревни Семьянь (деревня в 7 км от города) шли немецкие танки и строем и стреляли одновременно, взрывы не умолкая! И при нашем приближении к полуоткрытой двери убежища – эти танки немцев как раз по улице К.Маркса проезжали с этими страшными звуками! Выдохнули мы с трудом. Полуподвал изнутри пол-окна заставлены матрацами и тряпьем от ватников против пуль. (Если пули попадут, то сила уменьшится). Внутри люди и стар и млад. Больше старшего возраста, полумрак, встревоженные взгляды. Прохладно, еще не холодно, а стрельба и взрывы продолжают звучать. Дверь изнутри запирают. От двери 3 ступени вниз. Каменный пол. Это в полумраке. Стрельба все слышна. Напугались очень. 3 дня и 3 ночи в этом подвале. Воду принесли сами. В соседнем помещении находилась комната, что-то вроде кухни, где были остатки ячменной каши. После первой ночи в открытой двери стояли две фигуры немцев с автоматом, в касках. Вид пугающий. Автоматы на взводе. Ноги широко расставлены. Из полумрака смотреть на эти силуэты тоже боязно, а вдруг раздастся очередь. Никто не кричит. И в это тревожное время Евгения Евгеньевна Киреевская: «Die Kinder. Не стреляйте». Потом еще какие – то учителя, очень громко, пронзительно.

Получается, когда мы, перепуганные, перешагнули порог заразного барака, что на ул. К.Маркса (что рядом ТОГДА был с хлебопекарней), именно

тогда немецкие танки на скорости еще раз по улице К. Маркса доехали до Озеренцев, свернули вправо – им сверху виден был Зарайский мост - и они по улице Свободной доехали до здания 2-х этажной больницы, что на пересечении ул. Свободной и улицы Коммуны. И от угла ул. Свободной (это увиделось нечто панорамы) - наш дом №1 Коммуны - в то время именно №1, и у него пять подвод, запряженные лошадьми и ближе к палисаднику Пушкина, небольшая, темного цвета. Потом военная большая а/машина, крыша брезентовая. Подвод, может было 6 штук (с лошадьми). Лошади по паре запряженные и по одной. Все с бугорка немцам в танках (танков 3 шт.) представилось видимо – АГА!! Попались, сверху с бугорка ДАДИМ 3 выстрела и победим их, красноармейцев (6 трупов красноармейцев). После на 4-5 день молва: ЧТО 1-й танк выбросил развернутое знамя – флаг. На нашем земельном участке (картофельный участок) имелся Овраг – в нем и укрывались 4-6 человек красноармейцев – среднеазиатов по национальности, внешне по портретам. Увидев Красное Знамя – они красноармейцы и поднялись. Необученные, молодые, в серых шинелях, без касок...как на ладони... Немцы, увидели их и из автоматов и пулемета расстреляли красноармейцев. По одному гусеницами (по голове) проехали. Для немцев очаг - сопротивление погашено. А большая брезентом крытая а/машина загорелась и командир, вероятно, дал решительную команду, спасти большого размера снаряды медного, латунного цвета. Цвет отменный. Гильзы и снаряды долго до января лежали около кустов смородины на снегу. Вероятно, красноармейцы носили снаряды и очень спешили, не донося их – оставляли по разным местам. Некоторые снаряды лежали на снегу на краю оврага, штук 10-14 их было и ящик от снарядов (покрашенных ящичков было 3 шт.) Ящички с ручками (носить удобнее), с крышками. Брошены запалы для гранат. Тогда, что такое запал, мы ребята не сразу узнали. Гранаты противотанковые (что потом узнал – вычитал – это килограмм Ворошилова) т.е. сделали мощные гранаты, но они на 1 кг потяжелее. Вероятно, послушные командиру молодые быстро погасили огонь – на верху брезента автомобиля, - вытаскивали и передавливали снаряды и ящички от гранат, что остались целыми, в рядом расположенный сарай наш. Автомобиль обгоревший стоял долго и после изгнания немцев! Остов от автомашины. А во дворе один красноармеец в легком обмундировании (а по тем временам уже зимнее было) убитый, в руке держал винтовку со штыком (крупные кисти рук), на ногах ботинки и обмотки, военная кепка зеленоватого цвета! Осколок его убил, наверное, это во дворе у ворот.

Эпизоды. Жизнь при немцах.

Выехали танки из д. Семьянь через Хавки – был бой на ул. Коммуны с краю у оврага.

И очень рядом с 2-х этажной больницей. ... Вернуться в дом нам нельзя. Мы только пришли, а там немец. Офицер облюбовал русскую печь – на улице мороз! Сражение (без винтовки) с немецким офицером за теплый дом. По возвращении из заразного барака, зайца съели немцы (наш заяц в клетке на погребке). Немцы с Пушкарских выселок тащили овцу, 2 немца. Затем в коридоре рубили овцу топором наверху, на крышке красивого комода. Вот – ученик Николай и Шура относили кашу в дом на Коммуну. Немец – часовой не пустил. Раненые просили воды принести. Окно заткнуто было подушкой. Никто раненых не кормил. Василий Захарович первый догадался сходить до убитой лошади. От лошадей отрубить куски и на сковородку: нас накормить. Откуда Василий Захарович нашел большую сковороду, приготовить поджарку в русской печи (в доме №2). Мы вшестером все были довольны – первый раз так вкусно, конина. А с продуктами было очень трудно.

Время оккупации – немцы привнесли в это зимнее время страх. На приклеенных листах для веневцев был опубликован наглядно, что за смерть одного немецкого солдата – смерть – расстрел десять русских! Что перемещаться по городу только с 8-9 часов утра до 5 вечера! Вечером из окон не должен пробиваться свет светильника. За сигнализацию – против немцев – карается расстрелом. А прежде что, как после сидения 3 суток в заражном бараке, мы шли и думали, что войдем в дом (ведь мороз был на улице, холод). А как только с улицы открыли дверь на крыльцо, то поразило виденное: в 1 метре от двери лежал мертвый пограничник в зеленой фуражке, в руке сильно сжатая винтовка. Кожа на руках очень обветрена по цвету, сильные пальцы кисти рук. Наверное, в волнении, когда немецкие танки стреляли и подбили крытую автомашину, и машина стала гореть, и какие-то снаряды (или осколки) смертельно ранили пограничника. А войдя в дом через коридор (в коридоре в ведре вода – верх был лед) и открыли дверь на кухню, то там увидели немца (их командир, кепка на голове, на краю воротника, в центре кителя был виден немецкий знак отличия – крест) – фриц небольшого роста. Это немцы опередили нас. Но мать видя, что офицер своими действиями рук (злым лицом) требует, чтоб мы удалились. А куда? Мама – громко ему: «Оставь бабушку – ей 82 года». Отец посадил свою старую мать на лежанку на кухне (на ней, на коленках одеяло закрывало и колени и верх живота). В доме холодно. Немцы, опередив нас – претендовали жить и поэтому они здесь одни без других каких-то русских должны находиться. Мол, вон за дверь. Настойчивость мамы

таковая: «Боря, ставь самовар, наливай в него воды, разбей лед в ведре, наколи лучинок, разводи самовар». Отца мама не просит это делать, боясь, что немец в гневе может применить оружие. Я лучину, дрова наколол, самовар никак не растапливается. Лучинки от холода не загораются, я по новой, надеваю трубу на самовар, чтоб дым пошел кверху по вытяжке от печи. Николая мать берегла (приказала сесть под икону – на кухне бабушку отец держит, чтоб не упала с лежанки). Мама командует – возьми сапог отцов и делай на трубе, над самоваром – нагнетать воздух, тогда лучше разгорится. С трудом, лучинки стали разгораться. В доме дымок появился – признак – самовар будет давать горячий чай! Офицер явно психует, молодой солдат – немец, удивленно смотрит на командира. Психованный офицер хватается маму за руку, за локоть (мать, одетая в зимнее пальто). Офицер дергал за рукав и подталкивал, и показывал на стенку около комода – ПЫЛЬ на стене кричит: «Рус – свин...», и показывает пыль на своем пальце, еще раз кричит, что РУС – свин! (знал бы он, что при бомбежке в сентябре дом даже скрипел по углам и пыль с потолка – просыпалась по стенам). А в это время самовар стал лучше разгораться, что мы можем хоть кипятку выпить – немец догадался и чтоб повод найти выгнать нас – начал и за портупею хвататься (на груди ремень – форма такая), и кричать сильнее стал, указывая на дверь, в сенцы во двор. Я по физиономии его понял, что он может ударить меня, что у меня с самоваром получилось удовлетворительно. Будет чай. Немец небольшого роста видел, что не будут выметаться. Двумя психическими шагами ко мне стремительно «летит» и я, чтоб не получить удар пинком от этого немца – просек интуитивно – мгновенно выскакиваю (открыв дверь) в коридор, в холодный коридор и чувствую затылком, что офицер – немец, хватается за ручки самовар с кипящей водой в нем... Я делаю шаг – уже порог из коридора на крыльцо и в воздухе самовар летит. Это немец схватил за ручку самовар и вышвырнул. На крыльце я несся по лестнице, мимо убитого пограничника, дальше во двор. Не оглядываясь, забился где-то в угольном сарае – выживал. И очень забеспокоился, ведь в самоваре уже были лучины с огнем! С силой брошенный самовар напугал меня, что у него отвалится нос-кран (ведь другого самовара не было). Спрятавшись в сарае, я прислушивался – нет ли стрельбы – или шума с руганью. Нет. Отец, мать, бабушка и Николай выходили с крыльца. Надо было к кому – то идти, чтобы, хотя б 1 день от мороза спрятаться. К соседям, там Василий Иванович – уж очень нервный человек. Мама сказала, что тетя Маруся Соломенцева – (мать ей много раз что-то шила) – и выбрали этот вариант. Вновь на санки привязывают бабушку (она даже стоять не могла). Доехали до тети Маруси, она напротив, хоть 2-3 дня пожить у нее. Но когда через 3-4 ступеньки поднялись к ней, то жить можно только на кухне – тесно на полу у печки. А в комнате

(светлой, прибранной) уже квартировался немолодой немец офицер. Немец решительно, немногословно был против. Куда идти? Со слезами двинулись к Василию Захаровичу и к Василисе Михайловне. А у них дочь – 16 лет, Зоя, Лида, Шура – эта училась с Колей в одном классе. В доме у Василия Захаровича – пахло оловом (мастер был починять кастрюли) и спать в углу – на полу. На ночь кидали вещи поплотнее, так снег был на одежде, на ногах.

Важно было – мама беспокоилась за швейную машину. Можно было из окна наблюдать, что из нашего дома никто не вынес швейную машину! Смотрели много раз! Смотрели, что в нашем доме немцы - офицеры были в тепле: русская печь большая и лежанку топили, тепло им было. Нередко к ним подъезжали а/машины, что-то в коробках привозили. Я ходил по двору с ведром. Рубил прорубь. Прорубь около самого берега. По утру лед затягивал воду, на другой день НАГАН никто не доставал и рассыпанные по дну очень новенькие тупые пули, контрастные по цвету по отношению ко дну, лежали. Вечером Василий Захарович очень боялся выходить из дома, немцы могли схватить и увезти совсем. А мама боялась за Николая. Был момент, о котором стоит написать. Когда сидели в бараке – третий день, то стрельбища взрывов стало меньше, во второй половине дня Василий Захарович вышел чуть подальше от двери бомбоубежища и подошел к немецкому солдату (вижу какой – то мужской, как-бы спорный разговор этих 2 людей). Наш Василий Захарович в замызганной верхней одежде. Пиджак из кожи, но на груди, на локтях остатки металлических труб, ржавчина – он - же сантехник. Мастер, один три больницы там слесарем, плюс еще кухня для больницы. Другой - тоже росту приличного. В немецкой шинели (хакки), шапка, сапоги на ногах у обоих холодная обувь. У Василия Захаровича кирзовые (со следами ржавчины). Немец – широкие голенища сапог. Было беспокойно за Василия Захаровича. Он говорил немцу: «Вы застряли под Каширой, вы стоите на месте! А молву распускаете, что взяли Москву! Нет, вы врете. Я каждое утро рано приложу руку к уху и слышу КАНОНАДУ. Вы Каширу не одолели!» Василий Захарович говорит, что оружие, называется «Катюша», самое новое оружие, - немцы его боятся. А этот немец – в холодной шинельке и говорит на ломанном русском языке, что у них, у немцев, есть «Ванюша» и что немцы сильнее. Василий Захарович говорит, что он в 1914 году воевал с немцами и даже иногда после боев выпивал «шнапс». Назвал места боев в Первую мировую войну. Вообще, события 1914 года, воспоминания коснулись и личных их жизней. Василий Захарович говорит, что вот время военное сейчас, у меня ни продуктов, ни дров потопить печь, у меня старшая дочь в армии врач, да еще мал-мала меньше. Вдруг немец и говорит (я верчусь, подглядываю, слушаю с ними рядом, боюсь – у немца винтовка - и вместо штыка на винтовке

прикреплен был нож), этот немец и говорит громко, что он не немец, а мадьяр и что вы, русские, только начинаете негодовать, а я вот уже 4 года не видел свою семью. У него тоже четверо детей, и что там, в боях, в первую очередь он очень переживает о них. И, так они были взволнованы, что Василий Захарович сказал: «Ах, если было бы сейчас выпить шнапс». При мысли о выпивке в разговоре стало теплее.

Переночевав одну ночь в бомбоубежище (заразный барак), на следующий день в 11 час. явились два немца – проверяли, нет ли кого из спрятавшихся. Нашли мужчину, лет 45. Он был раненый, сидел, как-бы завален старым тряпьем. Немцы высветлили фонарем, два немца ухватили за воротник и по каменному полу потащили к двери. Перед этим безжалостным актом у всех мужчин снимали шапку и, если стрижка волос очень низкая, то по их мнению – это красноармеец переодетый. Еще я пропустил – немцы боялись, что сержанты или офицеры у кого-то в подвалах могут отсиживаться военные. Немцы издали Приказ и громко об этом кричали – за сохранение у себя в доме красноармейца – расстрел гражданских. В конце ноября и первой декады декабря погода еще холоднее стала и немцы задрожали. Машины не заводились, сухой бензин в таблетках не помогал. Как молодой немец в черной «SS» заказывал маме вскипятить 1 ведро горячей воды. С ним мы шли, а на участке из-под картошки лежали убитые – смуглые по лицам. Дал кусочек свинины за горячую воду. В грязной старой соломе с крыши, сидели замерзшие немцы на 2 этаже в больнице. Заворчали на «SS», заглянул в дверь. Холод!

Эпизод

Вышли мы от Соломенцевой тети Маруси на улицу и увидели – наш пленный солдат молодой несет БОМБУ, прижимает бомбу голыми руками к краю серой шинели (бомба – черная). Сзади немец – винтовкой в спину нашему солдату и еще такие же, рабочие из Тулы.

С приходом в дом – на Бугру – это дом Кати Рогатской – прозвище (выселки – деревня маленькая «Рогатские Выселки»). По времени – это где – то в 14 часов дня. Темнеет быстро, в 5-6 часов вечера – взволнованный Журиин Василий Захарович – чувствовал, что будут какие-то изменения. Поздно, в 9 часов вечера через реку от нас, с высокого бугра (в темном поле – хотя снег, но темно – приближалась темная точка). Василий Захарович – выходил. Вновь повторяя, что надо ждать что-либо. Потом, когда таинственная точка перешла на наш берег (на реке лед и на льду много снега). Василий Захарович, вглядываясь, стоит, я был рядом. Снизу продолжала точка приближаться. Темновато – нервы – время - немцы купируют город. С реки вдруг голос – Вы

кто? (когда точка видно человек). Василий Захарович в ответ – Свои. А вы кто? – Тоже свои. Отлегло. Наши прислали разведку! Далее красноармеец поднялся в гору с Василием Захаровичем – они обнялись. Русский солдат (немолодой, лет 40) – крепко озябший, ушанка завязана, шинель, винтовка. Чаем горячим с сахаром накормили. И он рассказал (и прежде с интересом от нас узнал), что немцы настроены бежать, отступать. Чуть побыл в тепле, вышел на площадку, достал длинный наган, зарядил, поднял кверху – выстрел – ракета зеленоватого цвета полетела высоко! Затем он сказал, что на ваш город уже были «Катюши» нацелены и ушел к реке. Разведчику надо перейти лед. У берегов вода не вся замерзла, и выйти на дорогу – выше Зарайского моста. Когда разведчик поднялся из-под горки к домику – то стоял с Василием Захаровичем и я рядом, и чувства сильные были, что немцев прогнали из города, что было очень хорошо. Режим немцев очень плохой. Оккупанты! Колотилось сердце от радости. Вот я написал при встрече с красноармейцем – разведчиком «ОТЛЕГЛО», поскольку немцы уже оккупировав Венев, каждый день трубили, что г. Кашира – капут, и что уже почти и г. Москва. Пропаганда немцев очень влияла ПЛОХО. Так вот, при встрече с разведчиком весть, что Венев (реплики, что Армия отступила навсегда – треп фрицев) – отлегло – это вырвалось большим придыханием – когда же Армия вернется.

В этот же день в полдень, к нам на Коммуну пришла мамина старшая сестра тетя Катя Толкунова и рассказала с чувством: «Маня, ты знаешь, что я видела сегодня рано утром, еще было темно, по небу летели красного цвета маленькие яркие какие-то непонятные снаряды – наперед языки пламени и одновременно страшные звуки, похоже как мычат коровы – у-у-у, звуки очень быстрые, и летели пламенем этого невиданного оружия через деревни Хавки и куда-то дальше». Тетя Катя в то время жила близко от маленьких Городенцев (это на краю улицы Декабристов). И это место достаточно просматривалось при выстреле орудий. И в этот же день в полдень и попозже я выходил на наш огород и смотрю, что на конях красноармейцы генерала Белова по дороге верхом на лошадях сверху едут с бугра к Зарайскому мосту и въехали к нам в город. Радость - это наши едут! По приказу командира красноармейцев (машина русская горела от выстрела немецких танков), а командир сумел дать такую команду, чтобы не было мощного взрыва, разнести снаряды в снег, в смородину, ближе к оврагу. А тут один конник въехал на бугор и по кустам смородины верхом на коне, не наступив на снаряд, поехал к ул. Свободной. Другие конники выбрали рядом путь – к главному входу больницы. Там снарядов под ногами не было. А на главной площади Венева было собрание веневцев с генералом Беловым.

Эпизод

А еще – как девчата самого Василия Захаровича вели себя в те дни? По-разному и Василий Захарович (при их нытье) приводил примеры, как нелегко было в 1914 году, ему солдату. В их доме (тогда он рассказал) при слабом освещении: вот идут военные дни в 1914 году, окопы, осень, уже поздний час. А командир получает ПРИКАЗ – выручать какую-то нашу часть, идти в подкрепление и мы в шеренги выстроены, командир строго: «Всем подтянуться, поправить обмундирование и винтовки с патронами взять, и марш-бросок на 20 км. Погода холодная, вечернее время. Шагаем – холод, ветер и дождит!!! погода, мы шагаем...устали. Командир командует: «Привал». Нам сидеть невозможно, полы шинели замерзли, как кол... Молчат и Зоя, и Шура. Замолчали надолго. Комната у Журиных маленькая, печка такая меньше нашей, девчонки ютились на печке. А обстановка (вокруг немцы) и вот словно отлегло. Теперь будет нет! Немцам.

С питанием, что сварить – тоже проблемы. Даже с вдром под гору за водой сходить – надумаешься – а как бы пройти туда и обратно – оглядываешься по сторонам.

Вот когда мы одну ночь переночевали у Соломенцевой и в 9 часов следующего дня уходили – открыли калитку и сразу – видна ситуация. Немецкие солдаты контролируют, как военнопленные (молодые ребята) в серых шинелях собирают бомбы (темного цвета) на снегу – от дома Панкиных, Богатыревых. Стало быть, самолеты бомбили этот угол улицы (плохими бомбами) и эпизод: наш солдат голыми руками, завернув в полу, несет – а его подпирает немец винтовкой в спину. Две такие бомбы лежали на краю нашего двора, у туалета, долго лежали. Немец, очень уж возрастной, и догадался, видимо, что в горячей печи нижнюю рубаху от гнид, только в печи единственно можно сжечь гнид, но и что рубаха ему нужна. На очень ломаном языке просил маму, чтобы на свежие поленья бросили рубаху и т.д. Он, увидев на стенке мои рисунки – решил посредством рисунка выразить мне, что тяготы войны к Новому году закончатся угощением со стола в городе Москва. Как-то очень он попросил меня карандаш ему найти и дать. Кое-как в комодке нашли, нашел карандаш, подточил, начал широким концом карандаша...да и бумагу еле нашел. Сильно кряхтел, грязной рукой он на стуле, на бумаге нарисовал рисунок с елками, с сосисками. Он объяснял, очень крикливо (говорил на немецком про шнапс). Бутылки немец не стал рисовать, а может он и был слегка пьян. Что Nach Moskau- вперед. Они немцы в Москве. На Новый год будут пить вино (время было 11 ч. дня). Мать что-то у печки делала, глядела на нас, что на бумажке (глядела, опасаясь) и говорила: «Боря, ничего не говори

ему, молчи». Но я в таком возрасте уже думал – какая агитация у самих завоевателей, внушаемость, что они вот уже скоро будут с елками, с бутылками в Москкке!

Эпизод

После того, как жившие немцы в нашем доме «улетели», мы быстро (были на стремени) вернулись домой. В доме топим и русскую печь, и лежанку. Вот опытный солдат-немец сообразил... Мама была у печи, и я рядом. Стукнул в дверь кто-то. Это немец, очень небритый, лицо такое не умытое, в кителе. Видно, как загнанная собака мучается. И он просит на ломанном русском языке, чтобы хозяйка его нижнюю рубаху, после как сгорят дрова, в печи на что-то положила, так чтобы и рубаха не прогорела и вши и гниды сжарились. Мама это умела сделать - она могла. На кухне немец быстро китель снял. Мать боялась, как бы вши не рассыпались вокруг него. Поместила мать рубаху (она грязно-белого цвета) и пошел треск, гниды сжарились. Немец увидел дым из трубы, стал выходить регулярно, вот и улучил момент.

Эпизод

Немцы, офицеры ходили по нужде – с вечера оправятся прямо под окна дома Журина Василия Захаровича. Во дворе они боялись.

Эпизод

Ночью сон немцев охраняли два немца на морозе. Они имели губную гармошку – и дутьем «пиликали», давая знать, что они – немцы, блюдут (пока спят немцы) – это у меня зарисовки гуашью есть, супротив дома Плотниковых.

Эпизод

Я был удивлен. Уже немцы привыкли, что я хожу за водой к реке, только к реке. А тут вздумал посмотреть в бомбоубежище, которое мы с соседями делали еще летом и чуть осенью, накат из всяких бревен. Когда не хватило, Василий Захарович даже хотел спилить яблони (у него на небольшом участке росли – 4-5 яблонь). А саму яму мы тогда быстро вырыли – и уже с 2-х сторон хорошие сиденья. И вход занавешивался грубым брезентом. И при летних-осенних бомбежках в эту «ямку» приходили молодые в серых шинелях и уже в ушанках молодые медсестры. Бомбят долго, ноги мерзнут и они находятся далеко, мол от больницы. Хотя наверху, от дома кухни, было вырыто длинное бомбоубежище. А вот при немцах (когда «из нашего дома убегали офицеры-немцы») был день светлый, холодный – я приостановился, чтобы идти к реке за

водой и заглянул, за брезентовым занавесом сидел молодой красноармеец, кисти рук вставил в рукава, шапка под бородой завязана на веревочки, новенькая солдатская ушанка. Лицо бледное, заснул, сколько же он в той позе сидел (ноги в солдатских валенках).

Эпизод

Писать о том времени, когда война, это чуть коснуться людских разных преодолений в нехватке того или иного, нужного на каждый день. И в одежде, и в обуви не было необходимости. Отец в армии, мать очень старалась и ее брат Сергей Васильевич Новиков очень помогал. Жил он в деревне Стрельцы, он был сильный. У него сына забрали в военкомате в службу в береговую охрану в г. Клайпеда (прямо после 10 класса) Прибалтика. Сильно бомбили немцы и довольно земли Прибалтики стали оккупированы. Известие из военкомата – пропал без вести. Другой мой двоюродный брат – это сын тети Нюши. Так звали родную сестру отца моего, Анна Алексеевна – ее сын Василий, только что молодой отгестованный артиллерист (после арт.училища) лейтенант – направлен на службу перед войной в город Керчь. Там долгие бои были, очень трудные. Там Василий погиб.

Перед отступлением немцев

Стало ясно, по внешним визуальным действиям с их стороны, что немцы отступают. Например, на территории больницы (видно из окна и со двора нашего), немцы разожгли костры – уже который день – 3-й или 4-й - это немцы с двумя мотоциклами так и подбрасывают какие-то бумаги (горят 2 костра). К ним быстро иногда подходят еще 2 немца.

«Наши» немцы оставили наш дом тремя-четырьмя днями ранее и мы радостные – снова в своем доме. Можно истопить печку, лежанку! И ночь не лежать на холодном полу у Журина у Василя Захаровича, где длинная ночь, и холод прет от двери, и я самый крайний, а по утру на одеяле – белый мороз, на ногах, на краях одеяла! В этот момент, когда мы вернулись в наш дом – сильная забота была – а как швейная машинка, что взяли немцы и унесли к Чековой Серафиме, (на швейной машине немцы шили какую-то теплую обувь себе). Тревога – как-бы немцы не увезли эту швейную машинку. Швейная машинка с ножным управлением.

Опытный Василий Захарович, который воевал в 1914-15гг., знал, что немцы при отступлении могут устроить карательную операцию со злости – что они уходят! Страх, ожидание с каждым днем росли. И где-то слышались, даже днем рвались снаряды, а с наступлением вечеров (зимой быстро вечер

приходит) пролетали самолеты и в ночи бросали бомбы. От страха, что бомбы могут быть брошены ближе к больнице, Василий Захарович, опытный, предложил уйти подальше – т.е. ушли к Плотниковым (это край улицы Лермонтовской на углу с ул. Коммуны). Ночь, опять же очень холодно, мороз. Мы: отец со старой своей матерью (ей было 82 года – она не ходила). Он ее в санки усаживал, укутанную привязывал веревками к санкам - санки не детские, санки сделали еще очень давно. Они в три раза по длине больше современных детских санок. Связаны из дубовых веток, без гвоздей. Собираемся к Плотниковым, а мы их не предупредили, нас много: отец, бабушка Мария Ивановна (82 года), мама, сестра Рита -3,5года, надо одеться и тепло. Брат Коля – ему 14 лет, я – 12 лет. Семья Журиных: сам Василий Захарович, Василиса Михайловна, Лидка – 14 лет, Зоя – 16 лет, Шура – 14 лет. И, в таком виде стучали в двери Плотниковых, чтоб у них перебыть ночное время: что, мол, бомбы минуют, мы чуть далее от территории больницы. (А в больнице – на 2 этаже находятся немцы). Опять же, ночь, мороз, взрывы бомб. Плотникова - старая хозяйка, открыла дверь,пустила нас. Слова ее были приветливыми. В комнате очень приглушенное освещение (окна занавешены, немцы не разрешали слишком светло), свет из окна карается как сигнал. Вот мы все в зимних одеждах ввалились в комнату, минуя коридор. Оказались в тепле. Минута, вторая, пятая... Всмотрелись, оказывается в комнате, 3 или 4 или 5 немцев. Почти все они в шинелях. Слышны взрывы бомб. Все это увеличивает страх. Голос хозяйки как-бы успокаивает, затем замолкает. И вдруг сильнее другого-третьего взрыва – бомбы как будто рвутся – звук страшен (ночь). В переднем углу лишь маленькая лампадка светит у иконы на уровне 1-1,5 метра. Изба-то низкая. Осторожно, как-бы рядом разорвались взрывы! Бомбы – углы избы слышно скрипят. Это усиливает страх!! Почти все мы вмиг бросались под иконы, лежим, где лампадка светит еле-еле. Какое-то облегчение – нет бомбежки – тихо, никто не говорит, мы прижались друг к другу на полу – рады, что все прекратилось... И вдруг – в эти тихие 2-3 минуты – раздается громкий крик - ПАРТИЗАНЕН! В обстановке, почти в темноте (горит только лампадка в углу)! Полумрак и такой крик, рожденный войной. Голос был явно молодого человека. Этому немцу пришлось наяву, видимо, так пережить Белорусского леса партизан... А в данную минуту он без винтовки в руке – в куче пришедших и лежащих в переднем углу – он понял, что их немецкие автоматы стоят у двери и сильная фигура Василия Захаровича Журина очень может быть именно ПАРТИЗАНОМ! Это был крик очень тревожный. Хозяйка быстро среагировала, начала уговаривать: нет, нет. Они (т.е. мы, вошедшие) хорошие соседи! Успокоились. Уговорила. Это пришлось пережить.

Взрывы к радости прекратились. Перекоротали ночь, долгую. По утру Василий Захарович, опять же подумал, что отступающие немцы могут и перестрелять здесь в этом секторе людей гражданских. И он задумал от немцев нас увести за больницу, на крутой склон, где в земле жила некто Катя Рогатская. Деревня Рогатских – откуда приехала женщина, лет 55 в то время, дом ее – три стены наружу, 4-я стена в земле, в бугру. Дом как-бы врыт в бугор. И от Плотниковых мы вся эта группа двинулась на другую сторону от больницы. Опять же с бабушкой Марией Ивановной, матерью отца. Опять привязываем к санкам. У Кати Рогатской (в земле на бугру врытый в землю) было еще ниже, потолок, маленькая печка, на которой можно было подогреть воду и картошку. Был сахар-песок. Что-то надо было поесть. Нам надо было сразу как-то присесть и сидеть, потому что в тесном помещении даже шагнуть – это почти невозможно. Тесно. 4-я стена, задняя – это земля – сухая, твердая. Надвигался вечер. В воздухе слышны кое-где взрывы. Кое-где вдали редко пролетали самолеты, очень далеко и редко.

Гарью тянуло в воздухе от костра немцев от больницы. Немцы долго сжигали бумаги. Очень надоело – мы в оккупации – порядок немцев. Дни пасмурные. Думалось, когда же вернутся наши войска. Через забор смотрю – там у Чековых тоже ходят немцы в шинелях. Нудно. В облаках просвет – солнца луч. На повороте реки к Озеренской плотине. Луч солнца – еще сильнее в этом месте. Отчетливо виден нам 2-х крылый самолет в этом месте (край Озеренцев). И самолет помахивает (качает крыльями). Настроение очень поднялось. Наши где-то рядом. Не забыли. Ну, я и закричал: «Наши! Наши!». Немец услышал и увидел меня и обежал от Чековых вокруг дома (дом Василия Захаровича, где мы квартировали, жили) и длинными шагами ко мне, хотел он пинка дать. Я успел убежать, но небольшой скользящий удар немецкого сапога все-таки я получил. Немец злой влетел в Журинский дом. Мать в это время крикнула, чтобы спрятался под стол в комнате, за печью. Мать на коленях упрасивала прощения за меня, за крик «Наши!». Немец ушел. Это был первый момент. А у меня осталась картина – смелый летчик на 2-х крылом самолете бравадно делал в воздухе круги и солнце светило, и не было выстрелов! Летчик не спешил улетать, и пейзаж – край Озеренцев, видно начало (поворот) реки, берег и на малой высоте наш милый самолет и звук мотора доносился. Немец злой, решивший быстро меня наказать – дать пинка. Он стремительными шагами догонял меня, а сам передразнивал: «Наши ... Наши», поддельываясь под голос ребенка. Самолет, смелый летчик – потом говорили, что он был родом из деревни Озеренцы. Эти дни холодные примерно последней декады ноября 1941 года или в первых числах декабря 1941г.

Боестолкновение наших было сильное – на окраине ул. Бундурина, около острога – тюрьмы. Там подбитый русский танк. Хотя танк немецкий полуобгоревший долго стоял как экземпляр, что танки горят от брошенной бутылки с горючей смесью – бросил рядовой из окна училища (это близко от рынка, супротив площади). Немцы организовали наступление на Пушкарских выселках. Крайние дома на Пушкарских выселках – тамошние мирные люди делали маленькие окопы и им давали винтовки, чтобы в немцев стреляли. С другой стороны – выше Зарайского моста – немцы тоже наступали. Наши войска от городских выстрелов отступали к Аникеевскому лесу. Что вблизи от деревни Коломенское. Силы были не равны. Красноармейцы отступали в лес.

Находиться под игом немцев было очень тоскливо, ведь мы, детвора, привыкли много времени без присмотра ходить к плотине, залезать на гору из белого известняка, кататься на лыжах, в половодье – ловить рыбу, помогать отцу и маме во всем (на огороде, воду из-под бугра носить и пр.), а тут немцы, их не критикуй! Оккупанты!

После ухода немцев

После того, как немцев изгнали из дома, как-то дышать легче стало – конец немецкой оккупации. А со спичками плохо – их не было. Было такое: с вечера, например, Чекова Серафима Сергеевна обращается к маме: «Марь Васильевна, я утром приду за углями – дрова в печи у себя разжечь. Ты уже золу не выкидывай. И, действительно, делились: оставляли золу в печке и побольше золы, и в ней угли свежие в ведро, накрывают, быстро под сухие лучинки. И ВОТ ТАКИМ ОБРАЗОМ – это долго было (Бурылины приходили). Или кресало было – твердый камень, кусок гранита, искра падает на х/б веревку. Мужчины быстро освоили.

Перед немцами (ведь был приказ, чтобы врагу не доставался хлеб) подожгли элеватор. А оставшееся зерно превращали в муку. Долгие месяцы 1942 года хлеб пахивал гарью, дымом. В школу не сразу ученики пошли. Стекла и выбиты, и потрескались. Учительница ведет урок, а ребята ей приносят литровую кружку кипятка. Ученики не раздевались, в зимней одежде так и за партой сидели. В школе на 2 этаже выпускалась стенгазета – вся газета в деревянных рамочках (дверцы открывались). В этой стенгазете Ольга Васильевна Калитина щепитильно проверяла ошибки письма. А мне доставалось рисунками, акварелью доделывать листы, графики и буквы призывного текста на броне танков «За Родину! За Сталина!» Тексты из школьной темы и обязательно о военном положении. Учитель Мартыненко, бывший партработник, был к школе неравнодушен.

По хлебным карточкам покупали хлеб. Николай с рыбной ловлей стал все лучше придумывать, как в разные месяцы добывать рыбу – и получалось. В половодье (лед идет): с берега, со льдин добывал рыбу. Летом удочкой тоже хорошо ловил, ночью – верши, перегородит речку за мостом – поставит две верши – по ходу воды и напротив. В дни трудные с питанием было, что жмых тоже как еда был. Жмых – это из подсолнечника со скорлупой – выжимки. По вкусу ничего, но десны до крови колят семечки. Плиты жмыха – трудно было их достать. А с 1942 г. нас ребят-школьников, способных к сельхозтруду, привлекли на работу на полное лето. В совхоз «Белгородье» в 20 км от города. Учились не с 1 сентября, а с 1 октября.

Оставшиеся после фронтовых месяцев в разных местах взрывные устройства: гранаты, противопехотные, противотанковые, взрыватели и прочие остатки, это все валялось. А ребята, не зная, как их нужно бросить, чтобы взорвались, и на каком расстоянии, часто из-за неосторожности подрывались. Это и в 1942 году и позже!

Вот эпизод: Прошел 1941 год. В 1942 г. с продуктами очень слабо. К маме нередко приходила врач Мария Александровна Алексеева – возраст ее приличный. Ее дочь Ольга с первых дней войны – на фронте. Сын Сергей и примерно 8 класс. Она маме говорит, что ей сказали, есть под Березовым на поле на снегу (время февраль) лошади лежат за Березовым. Пусть Борис с Сергеем возьмут топор и пилу, сходят, отрубят кусок конины. Предложение и дела!! Пешком, без лыж. Пока до одной лошади дошли – уже чуть начало смеркаться. Сумерки густеют. Топор не острый, никак не можем отрубить! Пила замерзшее мясо – никак. Мы от холода, от ветра – кругом поле, знобит мороз – мысль: уйти побыстрее, а то замерзнем. Хорошие куски лошадиных ног уже отрублены, между ребер – провалившиеся ямы. Стало быть, лошадь не кормленная, масть рыжая. Пилил, за ручки пилой между ребер, хоть что-то привезти, до того места, где съеденная трава – сено плоховато пахнет. Ударяем топором, но это не дрова, ни одной щепки! Не можем. У Сергея замечательный голос (баритон), погода ваюжит. Оба уже озябли. У меня телогрейка подпоясана. И подходя уже по видимости поближе к городским силуэтам – вернулись силы идти, коленки от холода перестали поднывать, от мысли, что ничего не доставили – было плохо. Но ветрюга тот помнился в поле. Следов собачьих или волчьих там не было. Лыж у нас не было, нести в озябшем состоянии было трудно топор и пилу. В дороге нам никто не повстречался из людей.

Злодеяния немцев

По прошествии стольких лет, я могу описать какое зверское деяние немцы сделали в 1941 г. ноябре-декабре. Было очень холодно. В марте стало теплее, и мама разрешила в город сходить. На улицах, в темных местах, дворах, за заборами лежал снег сиреневого цвета. Воздух и теплый, и прохладный. Но лучи солнца брали свое – зима прошла, немцев - ни одного. Приближаюсь по улице Л. Толстого снизу от Колокольной, иду мимо Дома культуры и уже чувствовался трупный запах. На углу Л. Толстого и на пересечении улицы К. Маркса – стоял небольшой красивый дом – магазин. Там в торговле были предметы быта и продукты (это до войны). Что сделали немцы, о которых печется госпожа Меркель. К этому месту невозможно было подойти. Теплые солнечные дни марта (это уже больше половины марта прошло). По улице сверху по дороге вниз небольшие ручьи текли. А в воздухе невероятный запах, плохой. Приблизившись, вижу, что немцы разбили две стены в магазине – под ним, под полом сделан подвал, по площади квадратный. Верх пола – ничего нет. Подвал набит трупами молодых людей, их более 15-20. Они все голые, кожа на них не в синяках, без ран. Все в разных позах. Повторяю. Ни пола из досок – ничего, открытые – вот немцы, так их генерал придумал, издевались. Эти убитые, наверное, оказывали сильное сопротивление гитлеровцам.

Прошел до центра бывшего круга площади, где до войны памятник Ленину стоял (скульптура на небольшом постаменте, отлита из бронзы в очень динамичной позе). В Ленина в упор выстрелили из пушки, разбили памятник. В таком виде остатки скульптуры стояли в центре.

После изгнания немцев мы узнали, как они издевались над пленными солдатами. Пленных красноармейцев загнали в церковь (это собор, что рядом с военкоматом) и заперли двери, и на холоде (тогда морозы стояли очень низкие, более 30 градусов), в холодных стенах Воскресенского Собора, без еды, без воды!

В то время гордские власти не имели ресурсов, чтобы организовать армейские похороны. На стенах домов в 1942-1944гг. были лозунги «Все для фронта!».

ПРИМЕЧАНИЯ

Заразный (инфекционный) барак находился на ул. К. Маркса на правой стороне от дома примерно № 42 до дома № 50. Здание было одноэтажное, но длинное (в 70-80гг. 20 века там находился вытрезвитель). Сзади был большой

двор, где была кухня, склады. Там, потом, когда началась война, оборудовали убежище.

Дом Соломенцевых – угол пересечения ул. Коммуны и ул. Свободной на левой стороне.

Землянка Кати Рогатской находилась ниже здания терапевтического отделения, это ближе к реке по бугру спускаться уже с улицы Свободной, дверь в землянку – от реки.

Дом Плотниковых – это угол пересечения улицы Коммуны и ул. Лермонтовской на левой стороне.

Завалье – это бугор, переходящий к реке в луг. В 1941 году и ранее эти места по правому берегу реки Веневки тянулись от Зарайского моста к месту, где сейчас детский пляж, и выше на весь бугор и далее к Озернцам, и далее поворот по буграм направо далеко – далеко... Здесь всегда росла трава, щавель, ягоды. Сюда ходили люди за щавелем, ягодами. Здесь всегда проводился сенокос каждое лето, иногла дважды. Здесь не было ни одного дерева. Деревья посадили ученики Веневской средней школы №1 в 70-х годах 20 века.

Картины Бориса Алексеевича Игнатова

Река Веневка, холст, масло

Веневка под нашим берегом (ул. Коммуны) (вечер, если смотреть на Озеренцы), 1968г.

холст, масло

Река Веневка, 1975г., холс, масло

Вид на Венев с Пушкарских бугров, 1979г., холст, масло

Из личной коллекции Б.А. Игнатова

Южный поселок «Рыбачье», 1978г.

Натюрморт, холст, масло

Генерал Михаил Никитович Богдан, 1978г., холст, масло

Суворовец, холст, масло (во время учебы)

Сварщик Сергей Титов, холст, масло

Моисеева Светлана,
бригадир, швея-мотористка, холст, масло

Ольга Измашкина, 1980г., холст, масло

Прием в комсомол, 1975г., холст, масло (картина на заказ)

Молодежь на производстве, 1972г., холст, масло (заказная работа)

Оглавление

Моя профессия – художник	4
Венев. Вспоминая 1941 год	9
Начало войны.....	9
Эпизоды. Жизнь при немцах.....	15
Эпизод	18
Эпизод	20
Эпизод	21
Эпизод	21
Эпизод	21
Эпизод	21
Эпизод	22
Перед отступлением немцев	22
После ухода немцев	25
Злодеяния немцев.....	27
ПРИМЕЧАНИЯ.....	27
Картины Бориса Алексеевича Игнатова.....	29